

А все-таки, господа, хорошо живем! Какая концентрация веселых парадоксов на одно минувшее десятилетие! Не буду приводить расхожие, а потому, уверен, известные вам примеры. Лучше дополню их почти что свежим фактом. Имя человека, треть жизни отсидевшего в тюрьме за государственные преступления, а ныне — трижды лауреата национальной музыкальной премии, вскоре увековечат бронзовой плитой на аллее звезд у ГЦКЗ "Россия". Вряд ли при этом можно сказать, что Юрий Шмилевич Айзеншпис — народный любимец или суперпопулярная личность, но известности ему хватает и для того, чтобы в любой момент вычислить на улице узнавшего его прохожего, и, главное, для того, чтобы попросить у спонсоров солидные суммы под любой свой продюсерский проект. Впрочем, последние полтора года он одержимо проталкивает к вселенской славе лишь одно имя — Влад Сташевский. И если Айзеншпис в этом случае окажется фартовым, ретивые летописцы российского шоу-бизнеса получат занимательную современную версию сказки про папу Карло и Буратино. Бедный студент, трансформированный опытной рукой в поющего супербоа отечества! Сидя рядом с творцом и творением во внушительных размерах квартире Юрия Шмилевича и глядя на результаты второй фотосессии, посвященной Владу, легко было увлечься беседой на тему: "И это все о нем". Но любопытная личность и судьба самого Айзеншписа поспособствовали более объемному разговору.

— Юрий Шмилевич, а все-таки, несмотря на обилие сказанного по данному поводу, некоторые по сей день с интересом предполагают, сколько же уже вложено в раскрутку Сташевского?

— Проект дорогой, и вкладываются в него не только мои деньги, но и деньги различных коммерческих структур, которые выступают в роли как спонсоров, так и меценатов. Да, есть люди, просто дающие деньги и не требующие ничего взамен. Другие же просят, чтобы их участие как-то отразилось в прессе, на обложке диска или в рекламной продукции.

— А как насчет довольно распространенной в нашем шоу-бизнесе практики расчетов со спонсорами концертами или частью гонораров?

— Нет. Я никому за их вклад ничего не должен и не обязан. То есть обязан чисто по-человечески. Большинство помогающих нам — мои друзья, знакомые или считающиеся, что подобная поддержка артиста способствует поддержанию их имиджа и процветанию фирмы.

При этом не бывает так, чтобы я просто пришел в какой-то банк и попросил денег. О моих трудностях и трудностях Влада знают, повторяю, знакомые, знакомые моих знакомых или люди, которым я о каких-то своих проблемах рассказывал и их заинтересовала финансовая сторона проекта.

— Вы умышленно подбираете друзей и знакомых, способных помочь материально?

— А от кого еще ждать поддержки, как не от состоятельных людей?

— Я несколько о другом. Существуют ведь миллионы людей, у которых вообще нет состоятельных знакомых.

— Это уже их проблемы. А я на то и Айзеншпис. Я — известный человек и сам для многих что-то значу и являюсь гарантом того, что если берусь за дело, то выполняю его качественно.

Меня ведь поддерживают не обязательно материально. Иногда это информационная поддержка, помощь в раскрутке, то есть предоставление эфирного времени. Допустим, "Европа плюс" сделала немало для того, чтобы Влад стал очень популярен в России.

— А много ли сейчас в кругу ваших знакомых людей, способных оказать финансовую помощь, из числа тех, с кем пришлось находиться когда-то по ту сторону забора?

— То есть тех, с кем я когда-то находился в местах лишения свободы? Да, каждый раз встречаю все новые лица, ведь сроки у всех были разные. Многие как-то находят телефон, звонят. Иногда помогают даже те, кто освободился раньше меня.

— Выходит, все они оказались ныне людьми не бедными и не пропавшими?

бных местах, в общем-то, известны. Тем более вы же мне говорили, что не были бандитом, убийцей или вором в законе

— Да, в местах лишения свободы я видел массу зла. Гораздо больше, чем видел наш знаменитый гражданин Солженицын, написавший о страшной действительности сталинских лагерей. Он не знает тех кошмаров, которые знакомы мне. Александр Исавич сидел в спецлагерях, среди ему подобных людей, осужденных за антисоветчину и тому подобное. Там не было, судя по тому же "Одному дню из жизни Ивана Денисовича", того беспредела, который происходил в колониях, где довелось побывать мне.

Зона, где я провел последние восемь лет, так и называлась — "мясорубка". Там каждый день совершались убийства. Иногда убивали двоих, троих. Даже когда не было убийств, кто-то получал тяжкие телесные повреждения. Многие освобождались оттуда, так сказать, "условно-досрочно" — ногами вперед.

— Да нет. Я просто был принципиальным и занимался тем, что считал нужным, не продавая свою честь и совесть. Поэтому имел друзей и хорошие отношения со всеми.

— А благодаря вашей инициативе у кого-нибудь на голове имелись "праздники"?

— Я человек не злой, не злопамятный. Считаю, что любую проблему можно решить путем языка, убедив кого-то в том, что он не прав. Я всегда против насилия.

— Но думаю, вы в курсе того, что в журналистской тусовке нередко говорят так: "Да зачем тебе Айзеншпис, не связывайся. Он потом еще приведет каких-нибудь бандитов, устроит разборки".

— Я понимаю силу слова и считаю, что журналист всегда имеет преимущество в неравной борьбе с тем, про кого пишет репортаж, рецензию или статью. Он использует трибуну своего издания, то есть распространяет свое мнение большим тиражом и может навязать его значительному количеству людей. Но это

преступления. Безусловно, у меня есть знакомства в данном мире. Людям интересно было поддерживать со мной отношения и там, где мы вместе находились, и сейчас. Поэтому я знаю немножко больше простого обывателя.

— Скажите, бывали ли случаи, когда Айзеншписа, что называется, кинули?

— Кинули? Что значит — кинули? По-крупному или просто кто-то не пришел на встречу?

— По-крупному.

— В бизнесе?

— Да.

— Ну, был один такой случай, когда я проявил доверчивость и стал жертвой элементарного обмана. Но я не стал мстить тому человеку, понимая, что это бесполезно — с него нечего взять.

— Это было давно?

— Примерно год назад.

— Этот человек случайно не артист?

— Нет, он занимался шоу-бизнесом и параллельно еще одним бизнесом, в котором я ему помогал.

не могли меня упрекнуть. У них был менеджер, который являлся доверенным лицом "Технологии" и производил все расчеты со мной согласно контракту. Короче, они представляли мне финансовые подсчеты, а не я им. Да и потом, вообще не в моих правилах заниматься обманами в денежных вопросах. Тут на самом деле все проще — у ребят начался хорошо известный синдром звездной болезни.

— Теперь вы с ними абсолютно не контактируете?

— Какие-то попытки были. Приходил Роман Рыбцев с повинной, говорил, что он да и вся "Технология" ошибались. Но мне кажется, он так и не понял, что главное в творчестве — ответственность за свои обязательства друг перед другом, которые он, к сожалению, в свое время не выполнял. Мог опоздать на репетицию, на запись в студию, да и просто Рома большой любитель выпить. Мне трудно вновь с ним сотрудничать, хотя я и признателен ему за песни, написанные для Влада.

— Ну а как же растаял другой групповой проект, который вы так хвалили когда-то?

— "Янг Ганз"? Можно сказать, все, что в моих силах, я для них сделал. Но тут, с одной стороны, большую роль сыграла журналистская братия, принявшая группу в штаны. Хотя ребята это особо не смутило и альбом свой они закончили. С другой стороны, сам коллектив заели постоянные раздоры между участниками. То бас-гитарист их не устраивает, то ударник. Но тем не менее "Янг Ганз" существует, солист группы безусловно талантлив, и я думаю, ребята еще не сказали своего последнего слова.

Пока я даю им возможность разбираться в своих проблемах самостоятельно, поскольку так хочу, да и к тому же не имею времени сейчас на другие проекты. Но как только я немного освобожусь, обязательно вернусь к "Янг Ганз" и уже просто силовыми методами заставлю группу существовать.

— Значит, Сташевский более вышколен и покладист, чем ваши предыдущие подопечные?

— Я бы не сказал, что в наших отношениях полная идиллия. Влад — молодой человек с сильным характером, и у нас за плечами полтора года нелегкой работы. Ему выпало тяжелое испытание — из обычного студента, не подорвавшегося, что когда-нибудь он выйдет на одну сцену с Пугачевой, Градским, Антоном и другими звездами, превратиться в известного исполнителя.

Но пока он не страдает звездной болезнью и отлично понимает на опыте предыдущих моих воспитанников, что ссоры и ругань без причины приведут к плохим последствиям для него как артиста.

Я вообще считаю, что нашел при случайных обстоятельствах человека, о котором сразу подумал: "Давай-ка это будет звездой!" Понятно, сейчас у меня нет никаких сомнений, что он станет суперартистом. Такого лица, личности с такими качествами нет не только на нашей, но и на европейской эстраде.

— А сколько еще нужно времени, чтобы Влад дорос до суперзвезды?

— Думаю, три-четыре месяца.

— Месяца?! То есть все ставки на второй альбом?

— Да, считаю, что с раскруткой второго альбома мы выполним программу-максимум.

Прервемся в традициях советского детективного кино на интригующем моменте. Далее к разговору подключился потенциальная суперзвезда, и начавшаяся дискуссия на три голоса явно предназначалась для "Пон-базара", в ближайшем выпуске которого вы с ней и познакомитесь.

Михаил МАРГОЛИС.

Юрий АЙЗЕНШПИС:

Куранты. — 1995. — 14 апр. — с. 9

НА МОЕЙ ГОЛОВЕ НЕТ "ПРАЗДНИКОВ"!

— Да, не пропавшими. Дело в том, что отбывающий наказание зачастую не является ни преступником, ни бесчестным или непорочным человеком. В то время, да и сейчас, в тюрьму нередко попадают люди, не совершившие преступления.

— Однако вы согласны с теми, кто считает, что в российском шоу-бизнесе сегодня порядком персоналий с уголовным или околориминальным прошлым и настоящим?

— Ну, если рассматривать вопрос таким образом, то и я человек с уголовным прошлым, но преступником себя не считаю. Я — жертва системы. Еще на суде в одном из последних слов, предоставленных мне нашим правосудием, я заявил: настанет время, когда государство и общество принесут мне извинения. И такой момент настал. Передо мной извинились за то, что я незаконно отсидел столь длительный срок.

— Ладно, вы попали в зону незащищенности, ошибочно. Но как удалось вам просуществовать там семнадцать лет? Ведь нравы, царящие у нас в подо-

Причем инциденты происходили не только среди осужденных. Нередко в них участвовали и органы, администрация в виде надзора.

Но я умел поставить дело так, что у меня там было все нормально. Хотя не скажу, что я был особенно коммунистическим и под всех подстраивался. Скорее, под меня подстраивались. Я не заискивал и всегда был сильной личностью. Поэтому не голодал и не имел на голове "праздников", то есть шрамов, ссадин, которые можно найти почти у любого отсидевшего человека, если его подстричь. Не было случая, чтобы кто-то на меня замахнулся или произвел какое-то насилие.

— Значит, вы были в зоне авторитета?

— Скажем так — известным человеком. Я мог всех и не знать, но меня знал каждый, со мной считались.

— Но если откровенно, дабы достичь такого положения там, нужно создать себе определенную репутацию на свободе, грубо говоря, показать "свою крутость".

еще не самое главное. Хуже, когда журналист начинает судить о вещах, в которых абсолютно некомпетентен, или же, того хуже, в поисках сенсации пишет откровенно оскорбительный материал, задев честь и достоинство личности.

Естественно, с таким человеком нужно вести работу, беседовать. И в условиях, когда законы у нас не действуют и государство не в состоянии уберечь от нападков своих граждан, остается надеяться только на себя. Поэтому в подобных случаях я защищаюсь самостоятельно.

— То есть, избегая насилия, вы тем не менее можете к нему прибегнуть в определенных моменты?

— Ну, такого, в общем-то, не было по большому счету.

— А по маленькому?

— И по маленькому не было. Если разве что чисто по-мужски я кому-то когда-то въехал в морду, то считаю: это совершенно нормально.

— Например, Игорю Вернику. Что же все-таки стряслось между вами в "Арт-клубе"?

— Я считаю, что юмор юмором, но каждый человек, тем более Верник, отнюдь не мальчишка, а театральный актер, достаточно интеллигентный, чтобы понимать и сознавать, о чем говорит, должен контролировать себя. Он же, представляя Влада, высказался весьма двусмысленно, так сказать, навел теңь на плетень. Возможно, кто-то ничего и не заметил, но те, кто хотел, смысл его речей уловили. В данном случае, как говорят юристы, характер поступка человека квалифицирует не совершенное им действие, а наличие умысла.

— О! Ощущая знаток Уголовного кодекса!

— Да. Я если не профессор, то доцент.

— Уголовных наук?

— Нет, юридических. Я в совершенстве знаю право, думаю, даже лучше работников юридических консультаций, прокуратуры и судов. В этом я твердо уверен.

— Вы на сегодняшний день в принципе хорошо ориентируетесь в системе нашего криминального мира? Знакомы с его так называемыми авторитетами?

— Я провел в местах лишения свободы семнадцать лет и восемь месяцев. Учитывая, что скоро мне исполнится пятьдесят, — это треть жизни. Конечно, за такое время я познакомился там со многими людьми, осужденными за различные преступления, или, как я уже рассказывал, за не-